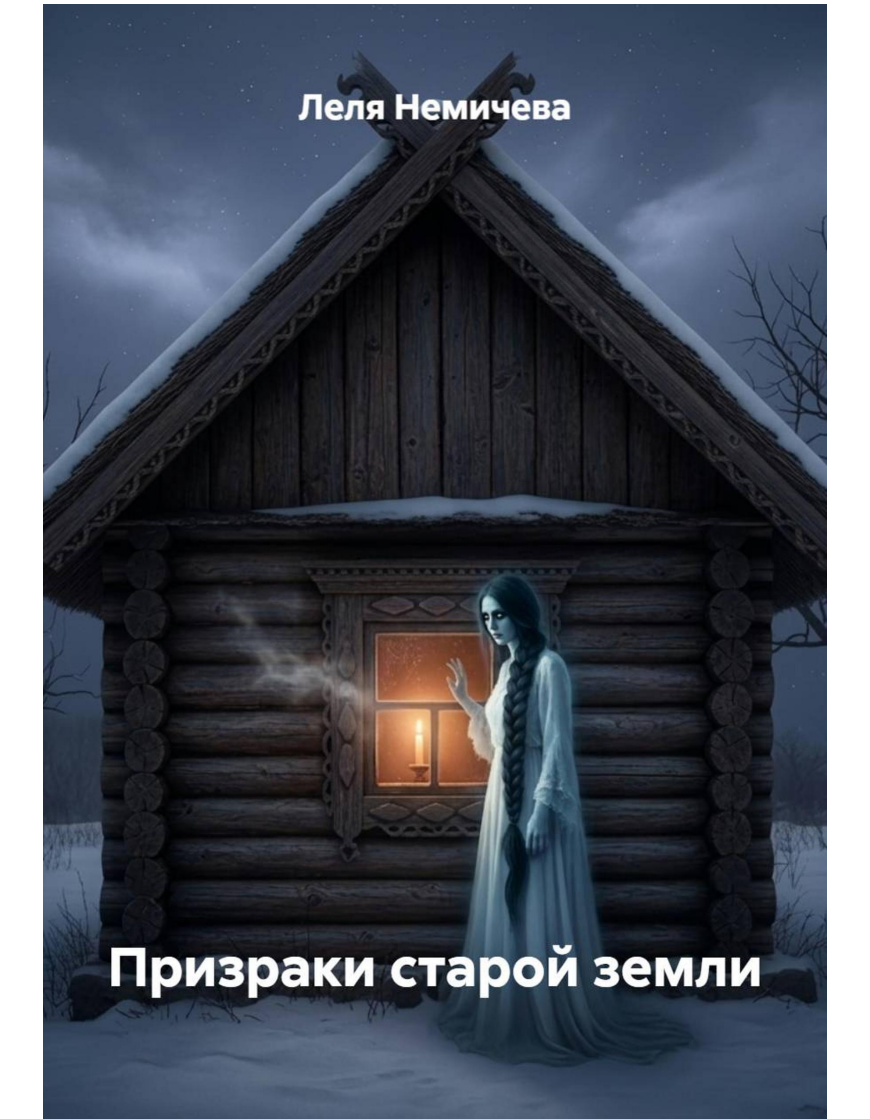

A woman with long dark hair in a braid, wearing a long white dress, stands in the snow in front of a dark wooden log cabin. The cabin has a steep, snow-covered roof and a small window with a warm light inside. The sky is dark and cloudy with some stars visible.

Леля Немичева

Призраки старой земли

Леся Немичева

Призраки старой земли

<https://litres.ru/74113559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывает потемневшее зеркало, выкованное кузнецом три века назад? Какую цену придется заплатить за шальные деньги, призванные колдовской книгой? Как оберег из могильной земли способен спасти целый род?

Пятый сборник степной мистики — это глубокое погружение в тайны человеческих судеб, где потустороннее неотделимо от сурового южного быта. Здесь пугают не выдуманные монстры, а сама жизнь.

Это истории о женщинах, которым запрещали смеяться под страхом смерти, и о тех, кто стал стальной опорой для близких после страшных трагедий. О древних духах степи, превратившихся во вьедливых соседей. О неприкаянных душах в пустых гостиницах и о тех, кто навсегда остался молодым в улыбках внуков.

Перед вами больше, чем просто мистика. Это философская сага о памяти старой земли, силе корней и спасительной любви. О том, что самые прочные связи не обрываются за порогом смерти, а настоящая магия — в нашей способности выстоять, вспомнить и простить.

Содержание

Глава	4
Пролог	4
Зеркало, что поймало смерть.	6
Запечатали её	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Призраки старой земли

Глава

Пролог

Говорят, время стирает всё. Но разве может оно стереть мерный стук старенького «Зингера», под который зашивались душевные раны и перекраивались целые судьбы? Разве может оно иссушить тяжёлую, солоноватую степную воду, дающую жизнь там, где, казалось бы, выжить невозможно?

В нашем мире вещи редко бывают просто вещами. Старое зеркало в оправе из морёного дуба может поймать саму смерть. Горсть земли, замешанная на воске и слезах, может стать самым сильным оберегом для младенца. А брошенный в детский карман гладкий, нагретый солнцем жёлудь хранит в себе силу векового дуба и звонкий смех, который так и не смогли убить чужой злобой.

Этот сборник — не просто мистические истории. Это хроника выживания человеческой души. Здесь старая земля говорит с нами голосами тех, кто ушёл, но так и не смог отпустить этот мир. Тех, кто бродит по мягким гостиничным коврам, оставляя после себя тёмные пряди волос и тяжёлые

вздохи о несбывшемся. Тех, кто древнее наших кирпичных домов и по ночам смотрит на нас жёлтыми глазами из тёмных углов, напоминая, кто здесь истинный хозяин степи.

Но главные герои этих страниц — не призраки. Главные герои — это живые. Те, кто выстоял. Кто не сошёл с ума от проклятых шальных денег, вовремя вытолкнув искушение за калитку. Кто не сломался под тяжестью сиротства и потери ребёнка, а сам стал невидимой стальной осью для своей большой семьи. Кто понял самую сложную истину на свете: когда всё вокруг рушится, спасает не бегство, а грубая, врезающаяся в плечи верёвка долга. Долга перед теми, кто дышит рядом с тобой.

Мы живём на очень старой земле. Она насквозь пропитана горькой полынью, невыплаканными слезами и тихим, упрямым счастьем. И пока мы помним тех, кто остался молодым навсегда; пока мы прощаем тех, кто испугался жить; пока мы смеемся вопреки всем запретам и бедам — мы сами становимся живыми берегами. Для наших детей. Для нашего будущего. И для нашего прошлого.

Откройте эту книгу. Прислушайтесь. Слышите, как бьётся её сердце?

Зеркало, что поймало смерть.

Элиста. Поздняя осень — та самая, беззубая и промозглая, когда снега ещё нет, а земля уже не живая. Стоит мокрая, промёрзшая погода, от которой душа сжимается в комок и впадает в глухое, немое уныние.

Грядки, что ещё недавно бушевали зеленью и отдавали свои плоды вёдрами, теперь голы и наги, явили миру чёрную, спящую плоть чернозёма.

Деревья, чьей красоте завидовала вся округа, ведь мой дед умел прививать так, что на одной яблоне одновременно краснели яблоки, золотились груши, синели сливы и желтела айва, теперь стоят слепые, невидящие, ушедшие в тяжёлый, беспробудный сон.

Виноградник, ещё одна гордость деда, буйство сортов и сладости, что так радовал гостей, теперь мирно засыпан землёй, как ребёнок, укутанный на зиму.

Даже скотина притихла, чувствуя эту зябкую пустоту.

В такие дни бабушка моя, Анфиса, обычно садилась за свою машинку «Зингер».

Не садилась, а восседала.

И начиналось таинство.

Под мерный, убаюкивающий стук челнока она обшивала всю семью, а воздух наполнялся запахом нагретого металла

и хлопковых тканей.

И с типичным астраханским говорком, растягивая гласные, она периодически просила:

— Алёна, подай-ка мне вон тот лоскут... «цветной», голубенький.

«Цветной» у неё означал любой ситец с цветами. «Голубенький» тот, где среди белого фона были разбросаны мелкие небесные цветочки. Всё остальное просто однотонное, разной окраски.

Любила она свою машинку, как живое существо. Говорила с ней, подбадривала, если та заупрямится.

— Эта машинка да сундук — вот и всё мамино приданое, что ей тётка выдала, — часто вздыхала она, проводя рукой по чёрному лакированному корпусу.

— Это какой? — спрашивала я, хотя знала ответ. — Тот, что поменьше?

— Нет, — качала головой бабушка. — Тот, что поменьше, бабушке моей по наследству достался. Его в 1701 году её прадед, кузнец, из морёного дуба собственноручно делал своей дочери. Сколько ж он потопов в Астрахани пережил и не сосчитать. А до сих пор как новенький, замочек ажурный щёлкает.

И я, зная, что сейчас начнётся, садилась поудобнее, поджав под себя ноги.

Потому что под этот стук «Зингера» бабушка начинала вспоминать. Ту свою, другую жизнь. Не похожую на мои

скучные, безопасные дни.

Так же, как сейчас моя собственная молодость кажется невероятной сказкой для сегодняшних детей.

— Мама моя, Анастасия, была красавица писаная, — начинала она, и голос её становился тише, задумчивее, будто она пробиралась сквозь густой туман времени. — Сиротой маленькой осталась, в семь лет. Мать родами умерла, вместе с ребёночком. Отец через полгода утонул.

Были у неё ещё сестра старшая да брат.

Дом в Астрахани у них был добротный, большой, на хорошей улице.

Не успели родители в землю уйти, как тётка родная, по отцу, туда со всем своим семейством и заселилась.

Сестра Настина вскоре от какой-то хвори померла.

Брата... брата тётка куда-то на службу сплавила, подальше. Он самый старший был. Назад не вернулся. То ли сгинул, то ли просто не захотел в эту паутину возвращаться.

А маму мою... Маму мою тётка в богатый дом продала.

На услужение.

Там у хозяев дочка единственная, любимая, шестилетняя Шурочка. И мама моя должна была при ней состоять. Играть, учиться вместе, чтобы девочке не скучно было.

Так они и росли — не госпожа и служанка, а две девочки. Две пёрышки в одной клетке. И в играх, и в учёбе всегда вместе.

Мама моя благодаря этому очень образованной по тем

временам вышла . Читала, писала, музыку понимала.

А когда пришло время Шурочку в свет выводить, на первый бал её собирать, увидела та, как мою маму одели в форменное платье служанки, сверху белый фартук, чтобы в прихожей ждать.

Такую истерику закатила, что стёкла, кажется, задребезжали:

— Или вы Настю одеваете, как меня, или я ни на какой бал не иду!

Родители в дочери души не чаяли, да и к маме хорошо относились . Не били, голодом не морили.

Стали их двоих на балы наряжать в похожие платья. Только в голову им, видно, не пришло, что девушка Настя видная, статная, умная...И душа у неё живая, молодая, жаждущая. И сердце не каменное.

Влюбилась она там. В кого , мама мне никогда не рассказывала.

Это уж моя родная бабушка, которая меня пуще глаза берегла, по секрету, на старости лет поведала.

В общем, скандал вышел на весь город. Чей-то сын, из больших людей, захотел взять в жёны девку безродную.

Позор. Срам. Насмешки.

Маму мою, конечно, назад к тётке отправили. Да ещё и пригрозили «хорошенько», если слухи не утихнут.

А тут, как на грех, родная сестра моей бабушки жила на одной улице с той самой тёткой.

И вот приехала моя бабушка с сыном, своим единственным, в гости к сестре из своего села. Люди они были работающие, небогатые, но и не бедные, ртов лишних не было. Пока бабушка с сестрой чай гоняли, мой отец, её сын, увидел маму мою.

И, как молнией поразило. Влюбился сразу, безоглядно. По-мужски — раз и навсегда.

Пришёл к тётке, стал про соседку выпрашивать. А та, обрадовавшись слушателю, выложила всю подноготную.

И в конце, вздохнув, добавила:

— Не даст ей тётка жизни, загонит. Как ее брата с сестрой. Дом-то, наследный, отдавать она ей не собирается. Видно, за Настасьей смерть уже по пятам ходит... Я думаю, и родители-то её не просто так один за другим ушли...

— Мама, — сказал тогда мой дед, вернувшись, и голос у него был твёрдый, как камень. — Засылайте сватов. Я на ней женюсь.

Бабушка моя ахнула, стала отговаривать.

— Зачем тебе, сынок, девица, у которой сердце с другим осталось? Какой тебе от неё покой?

Но не смогли.

Отец его только плечами пожал:

— Тебе с ней жить. Твоя воля.

Пошли свататься. И тётка, видя серьёзный настрой да подарки дорогие, опять продала мою маму. Обрадовалась, что та из города навсегда уедет.

На радостях даже машинку «Зингер» в приданое дала. И тот самый сундук. И покрывало невиданной красоты...

Сыграли свадьбу.

А мама моя... Села после свадьбы за стол и словно в столбняк впала. Сидит. Сутки.

Не спит, не ест, не пьёт.

Всё, что ей ставят на стол, будто не видит. Рукой на пол сгребает. Смотрит в одну точку. Сквозь стены.

Отец мой не трогал её. Только тихо, как тень, мимо ходил, боль в глазах пряча.

Вторые сутки — то же самое. А на третьи бабушка поняла: девка заморить себя хочет. Тихим, страшным, женским способом — просто перестать быть.

И тогда она встала перед ней на колени. Не перед невесткой — перед умирающей девочкой.

— Сына моего ты не любишь, я знаю... — сказала она. — Но меня... меня ты пожалей, Христа ради. Как мне жить, если ты у меня на руках умрёшь?

И... мама моя проснулась.

Будто из глубокого сна. Заморгала. Увидела перед собой свекровь. Стала её поднимать, обнимать.

Долго они плакали. Обе.

Так и пошла жизнь. Бабушка ей матерью стала.

А потом она забеременела.

И снова — тьма.

Кричала по ночам. Таяла.

И однажды ночью домовой сел бабушке на грудь. Тяжёлый. Невидимый.

— К худу или к добру? — спросила она.

И ответ пришёл. Чёткий.

— К хууу...

И исчез.

Бабушка не стала ждать. Попросила через знакомых сестру приехать из Астрахани. Та приехала к родам. Еле спасли маму. Но ,девочка у неё родилась мёртвой.

И тогда тётка сказала ,осмотрев послед:

— На мать её сделано было. Будет ещё семь раз рожать... если вытянем. Мальчишки выживут. Но будет ещё одна девочка. И если её не отмолите... девочек у вас не будет. Никогда. Жди меня через три месяца. Сеть зеркальную, родовую привезу. Внуков спасать будем.

На этом бабушка обычно умолкала. И только стук «Зингера» заполнял тишину. Густой. Ритмичный. Как биение сердца нашего дома...

Приехала бабушкина сестра, как и обещала, ровно через три месяца , в те самые дни, когда граница между мирами становится тоньше.

И привезла с собой Зеркало.

Не простое.Его ещё тот самый прадед-кузнец делал. И не зря говорили в старину, что кузнецы — первые колдуны. Знали они силу и металла, и слова.

Зеркало было особенное. Не гладкое , будто из тёмной,

полированной воды. Смотреться в него было словно заглядывать в глубину колодца и видеть там не своё отражение, а что-то иное, вечное. По краям шли надписи на языке, давно забытом, который знал только тот кузнец.

Он выковал его для защиты рода. Но мало было иметь такой оберег, нужно было знать, когда его применять и какие слова прошептать.

А мама моя всё не поднималась. Лежала, как тень, без сил.

Они с бабушкой повесили зеркало в её комнате, напротив кровати. Три ночи поили её отваром из сон-травы, чтобы спала крепко, не просыпаясь.

А сами сторожили.

Бабушка потом рассказывала тихо, почти шёпотом:

— Три ночи дом ходуном ходил. Точно кто-то невидимый метался в сениях, то топот тяжёлый, то скрежет, то завывание, будто ветер в печной трубе да не ветер. А на четвёртое утро — тишина. Глубокая, как после грозы. Я вошла, а в зеркале не мама отражалась. Там было что-то чёрное, спутанное, будто клубок злых ниток.

Сестра моя тут же чёрной холстиной стекло закрыла, сняла со стены и унесла.

— Поймало, — сказала. — Поймало того, чёрта, что к ней привязали. Теперь отпустит.

— Бабушка, — спрашивала я, затаив дыхание, — а зеркало куда потом делось?

Она качала головой, и в глазах её мелькала тень древней

тайны:

— Не знаю, Алёнка. Такие вещи в роду или старшему, или самому младшему передаются. Сестра моей бабушки старшей была Наверное, у её внуков где-то теперь хранится.

И правда после этого мама пошла на поправку. Словно корни снова в землю пустила. Родила первых трёх крепких сыновей, один к одному, богатыри.

А когда четвёртым, мной, беременная была — случилось непредвиденное.

Стоял страшный зной. Первое августа. И захотелось ей вдруг яблочка.

Не удержалась. Лестницу к старой яблоне приставила. Полезла да на самой верхней ступеньке голова закружилась. Упала. Так неудачно, что роды тут же и начались.

Бабушка, услышав крик, прибежала в огород. А мама на земле лежит, не двигается. Сердце у бабушки в пятки ушло, думала, позвоночник сломала. Соседи на крик сбегались, кто то за повитухой кинулся.

В общем, мама на грядках рожать стала — её даже на тулуп, принесённый из дома, переложить не смогли.

Приняла повитуха роды. Да только с мамой так плохо было, что она на младенца даже не взглянула, бросила его в тулуп, что рядом лежал, а сама с женщинами маму откачивать бросилась.

Когда маму более-менее в чувство привели, про ребёнка вспомнили. Смотрят на страшной жаре тулуп накрыл мла-

денца полностью. Ну, думали, если и живой родился, так давно задохнулся. Откинули полы, а я там лежу тихонько, глазами хлопаю.

Живая.

Бабушка моя, потом всегда со смешком говорила:

— Иные в рубашке рождаются, а ты у нас сразу в тулупе родилась.

Помня наказ сестры про опасность для девочки, бабушка не стала медлить.

Как только маму в дом внесли, она приложила меня к её груди, пусть сила материнская перейдёт.

А потом запеленала, села с дедом в телегу и сразу в церковь. Крестили меня в тот же день. Имя по святцам дали — Анфиса.

И ещё неделю после этого бабушка не отпускала меня от себя. Лежала на печи со мной, за пазухой, под рубахой, согревая своим теплом и тихим, непрерывным шёпотом молитвы.

С печи слезала только, чтобы маме меня на кормление отдать. Днём и ночью молилась. Вымаливала меня у судьбы право на жизнь.

Детство моё было хорошим, хоть и трудным.

А когда подросла, в судьбу снова вошла тётя Шура — та самая Шурочка из детства мамы.

Родители её в лихолетье сгинули, и она перебралась из Астрахани в Трусово, в старый деревянный дом на несколько семей.

Узнав про меня, сказала маме:

— Отдай Анфису мне. Пусть учится. В городе возможностей больше. Кем она у тебя в совхозе-то будет? Дояркой?

Мама, мечтавшая для единственной дочки иной доли, согласилась.

Так я и стала жить у тёти Шуры.

Золотая была женщина. Они с мамой, бывало, в войну последнюю краюху хлеба на всех детей делили. Не считая, что у одной один ребёнок, а у другой трое ещё остались, которых по малолетству на войну не призвали.

А мне она как вторая мать была. На путь вывела.

Война лишь институт мне не дала закончить, последний курс так и остался несбыточным. Но и без того в селе меня с молодости уважительно звали: Анфиса Андреевна.

Книжки людям разъясняла, законы, с налогами помогала. Родители мной очень гордились.

Бабушка умолкала.

И её рука ложилась на тёплый корпус «Зингера» мягко, почти нежно, будто гладила по голове свою маму.

— А мама, когда отца не стало, — выдохнула она, и голос её стал прозрачным, как осенний воздух, — всегда повторяла одну фразу: «Он был единственной настоящей любовью в моей жизни. И я только потом поняла, какое это счастье быть любимой».

Стук машинки затих окончательно.

В комнате повисла тишина не пустая, а наполненная.

Отголосками тех голосов, шорохом ситца, запахом тёплого металла и немой, непреходящей благодарностью.

Благодарностью за каждую бабушкину историю, за каждое спасение, за любовь, которая оказалась сильнее любого зеркального заклатья.

И главное за эту нить, протянутую сквозь время, к которой я могу прикоснуться, просто прислушавшись к эху в тишине.

Запечатали её

Элиста. Нам по пятнадцать, и мы вечно смеющаяся стайка подруг, заряженная тем особым, беззаботным электричеством, которое бывает только в этом возрасте. Первые влюблённости, украдкой нанесённая тушь, первые сигареты за гаражами, от которых кружится голова и щиплет в горле. Проголы уроков, когда весь мир кажется бесконечным, а жизнь только-только разворачивающимся ковром. И в груди постоянная, пьянящая волна от одного понимания: всё главное впереди.

И тут, среди этого ясного, безоблачного неба удар. Тихий и страшный.

Мама одной из нас добровольно покинула этот мир.

Тётя Нина. Она была похожа на ту актрису, Румянцеву — миниатюрная, лёгкая, с волнистыми каштановыми волосами. Всегда на каблучках, одетая с такой неброской, врождённой элегантностью, что мы звали её «наша леди». Никто не понял — зачем? Большая светлая квартира, муж, двое детей младшему всего шесть. Непонятно.

Как прошли похороны, помним смутно, как сквозь плотный, колющий туман. Помним венки, которые мы неловко несли впереди машины. И Наташку, её дочь. Нашу подругу. Маленькую, хрупкую, с большими, как блюдца, голубыми глазами, в которые теперь будто заглянула вся мировая

тоска. Её окружали какие-то чужие тётки, гладили по голове и причитали: «Сиротка, сиротка...» Она смотрела на них тем самым непонимающим взглядом, будто они говорят на незнакомом языке. Она ещё не осознала.

Осознание пришло позже. После девяти дней, когда разъехались родственники с своими пирогами и утешениями, и она осталась одна. За мать. Отец пропадал на работе. Братик нужны были завтрак, ужин, собранные игрушки. Да и отцу свежевыглаженная рубашка и еда на плите. Вот тогда мы, её подружки, всем скопом и начали постигать суровую науку ведения хозяйства. Вместе учились варить борщ, чтобы он не пригорал, и котлеты, чтобы не разваливались. После школы кто-нибудь обязательно шёл к ней «дежурить» просто быть рядом.

Но дело было не только в этом. Тётя Нина, видимо, передумала покидать этот мир совсем. И начала напоминать о себе. То шнур из розетки телевизора выдернет прямо на наших глазах. То только что помытые и аккуратно расставленные чашки на полке по очереди перевернутся на бок. Или в детской с грохотом упадут учебники со стола и разлетятся тетради. Подружка призналась однажды, срывающимся шёпотом: они с братом теперь просыпаются ровно в пять утра. В тот день мама их так разбудила, поцеловала на прощанье. Она тогда подумала: зачем так рано? Теперь каждое утро они слышат её дыхание над собой. Ровное, знакомое. И от этого не заснуть больше.

Но самый ужас случился, когда мы уже почти доваривали наш первый, выстраданный плов, празднуя маленькую победу. В тишине квартиры вдруг раздался чёткий, металлический щелчок. Ручка на входной двери сама плавно опустилась вниз. Дверь распахнулась настежь. И по бетонной лестничной клетке вниз, чётко и быстро, зацокали каблуки. Той самой, лёгкой, женской походкой, которую мы все узнавали. Походкой тёти Нины.

В такие моменты нас накрывало волной животного, немого ужаса. Мы бросали всё, вылетали из квартиры и, обнявшись, трясясь, неслись вниз, на лавочку у подъезда. Сидели, прижавшись друг к другу, пока страх не сменялся ледяной опустошённостью. Потом шли к кому-нибудь из нас, до самого вечера, до того момента, когда Наташке нужно было идти за братом в сад, а потом приходил отец.

Отец... Суровый, недовольный жизнью мужчина. Он словно не видел, как дочь, в пятнадцать лет, тянет на себе весь дом. Видел только невытую сковородку, не вынесенное ведро. И его попреки часто заканчивались ремнём. Мир для Наташки стал тесным, тёмным и очень жестоким местом.

А потом этот мир пересёк и мой порог. Как-то раз, зайдя ко мне, Наташа оставила мамин плащ, который теперь носила сама. На улице разыгралось солнце, стало жарко. А ночью я проснулась от того, что тётя Нина сидела на краю моей кровати. Сидела и с грустью смотрела на меня. Это было не видение, не сон. Это была плотная, тихая реальность, от ко-

торой волосы встали дыбом. Мой крик поднял на ноги весь дом. Я спала со светом три дня. И с тех пор зорко следила, чтобы подруга не забывала у меня своей мамы , а точнее, уже её вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.